

Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 116–125. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 116–125. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN NQKHMN

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-116-125>

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ А.И. ЭРТЕЛЕМ НАСЛЕДИЯ Н.А. НЕКРАСОВА: ОТ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЛНОТЫ ПОЭМ К ПРОБЛЕМЕ НАРОДНОГО ХАРАКТЕРА В ПРОЗЕ

Смирнова Ирина Юрьевна, аспирант, Костромской государственной университет, преподаватель, Костромской областной медицинской колледж имени С.А. Богомолова, Кострома, Россия, Irisbaltan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются мотивы Н.А. Некрасова в поэзии и прозе А.И. Эртеля, оценивается роль творчества поэта-демократа в становлении таланта Эртеля и его осмыслении судеб народных и пути России. Впервые вводятся в научный оборот первые поэтические опыты Эртеля – его поэма «Ночь на покосе, на Волжском берегу», до сих пор не опубликованная и впервые рассматриваемая автором работы. Представлен анализ самых ярких упоминаний Некрасова и его героев, встречающихся в творчестве Эртеля, отмечаются критические моменты расхождений писателей во взглядах на народ, русского мужика и воплощение образа крестьянства в поэзии и прозе.

Ключевые слова: А.И. Эртель, Н.А. Некрасов, преемственность, эпические поэмы, образ народа, крестьяне, демократическая поэзия.

Для цитирования: Смирнова И.Ю. Художественное освоение А.И. Эртелем наследия Н.А. Некрасова: от эпической полноты поэм к проблеме народного характера в прозе // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 4. С. 116–125. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-116-125>

Research Article

ARTISTIC DEVELOPMENT OF THE LEGACY OF NIKOLAY NEKRASOV BY ALEXANDER ERTEL: FROM THE EPIC FULLNESS OF POEMS TO THE PROBLEM OF NATIONAL CHARACTER IN PROSE

Irina Yu. Smirnova, postgraduate, Kostroma State University, teacher, Bogomolov Kostroma Regional Medical College, Kostroma, Russia, Irisbaltan@mail.ru

Abstract. The article examines the motifs of Nikolay Nekrasov in the poetry and prose by Alexander Ertel, assesses the role of the democratic poet's work in the development of Ertel's talent and his understanding of the fate of the people and the path of Russia. The scientific work has introduced Ertel's early poetic experiments into scientific circulation for the first time – his poem “Night in the Hayfield, on the Volga Bank”, which has not yet been published, and it has been analysed for the first time by the author of the work. An analysis of the most striking references to Nekrasov and his heroes found in Ertel's work, is presented, critical moments of disagreement between the writers in their views on the people, the Russian peasant and the embodiment of the image of the peasantry in poetry and prose are noted.

Keywords: Alexander Ertel, Nikolay Nekrasov, continuity, epic poems, image of people, peasants, democratic poetry, character.

For citation: Smirnova I. Yu. Artistic development of the legacy of Nikolay Nekrasov by Alexander Ertel: from the epic fullness of poems to the problem of national character in prose. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 4, pp. 116–125 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-4-116-125>

Одним из первых русских писателей, открыто обратившихся в своем творчестве к проблемам крестьянства, стал Н.А. Некрасов. Не случайно среди современников он получил звание «самого крестьянского» поэта. С детских лет противясь барскому дееспотизму отца, пройдя путь лишений, Некрасов стал сторонником демократических идей, выступая обли-

чителем ужасов крепостнической системы, сыскав тем самым не только литературную славу, но и авторитет в среде прогрессивной интеллигенции. В.В. Тихомиров отметил, что «по отдельным высказываниям революционеров-демократов-шестидесятников, по переписке их с Некрасовым можно судить о том, что они прежде всего ценили в поэте демократиче-

скую направленность, гражданственность его поэзии, верность передовым идеалам эпохи» [Тихомиров: 85]. Поэзия Некрасова стала основой, на которую старались опираться начинающие литературы-современники, среди них был и Эртель.

Знакомство с творчеством Некрасова, по воспоминаниям Эртеля, произошло для него уже в достаточно зрелом возрасте. Однако поэзия Некрасова быстро нашла отклик в душе Эртеля. Гражданская тематика его стихов, актуальность затронутых проблем сделали Некрасова творческим ориентиром для литератора. Многие исследователи творчества Эртеля называют его первыми произведениями очерки «Переселенцы» и «Письма из Усманского уезда», вышедшие в печать благодаря помощи Засодимского. Однако литературные опыты Эртеля начались со стихов, в которых он подражал как раз Некрасову. В ОР РГБ хранится черновик поэмы «Ночь на покое, на Волжском берегу» и переписанный самим автором рукописный чистовик поэмы, который до настоящего времени не был опубликован и фактически не упоминается исследователями¹. Как отметил Эртель в письме к супруге Марии Федотовой, которой он посвятил поэму, произведение было написано не то что за день, а за *полтора часа*. Вместе с поэмой в рукописном варианте хранятся черновик и чистовик письма к жене от 18 июля 1875 г. Эртель сообщал супруге: «Сегодня содеялось со мной чудо, меня посетил бес стихотворства, вследствие этого визита я в полтора часа (заметь, ровно в полтора часа), накатал целую поэму, которую тебе и посылаю. Подивись ради Христа, на что способен твой ненаглядный то!»² Далее писатель сообщал, что причиной его стихотворства являются затворнический образ жизни на хуторе и скука. Примечательно в этом письме как раз указание на Некрасова: «Я думаю, что не выработает ли хутор из меня какого-нибудь знаменитого стихотворца а la Некрасов или а la Кольцов? А? Как думаешь? Р. S. Нет, ты заметь! Полтора часа!!! Знаешь что, Маша? Если мой дар пойдет *crescendo*, то ты рискуешь получить в одно разумеется прекрасное утро какую-нибудь Хуториаду в миллион строф. Ей Богу!» (подчеркнуто Эртелем. – И. С.)².

Письмо и сама поэма, написанная в стиле Некрасова и в подражание поэту, свидетельствуют о том, что в начале литературного пути Эртель решительно ориентировался на творчество своего знаменитого поэта-предшественника. Влияние Некрасова наблюдается в использовании Эртелем приема стилизации текста под фольклорные мотивы. Народная поэзия сопровождала крестьян на протяжении всей жизни. В.Я. Пропп в книге «Народные лирические песни» приводит примеры редкого жанра песен о крестьянской неволе [Пропп]. Именно мотив неволи становится одним из основных у Эртеля. Главными геро-

ями поэмы Эртеля являются косцы, после трудового дня устроившиеся на ночлег в поле, близ высокого берега Волги:

Горит огонь на таборах
Вокруг огня косцы сидят
Все каши дожидаются...
Трудами дня измучены
<...>
Жарю все истомлены
Сидят косцы, и ратуют
Над кашницей горячею...⁴

Мотив «мужицкого пира» также известен нам из произведений Некрасова, и особенно ярко вспоминается этот эпизод в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Проблемы крестьян, которые Некрасов выражал в монологах своих героев, остаются актуальными и для персонажей Эртеля – это плохие урожаи, засуха, частые пожары в селах, бедность, долги:

Знать все тут думу думают
Тяжелую, гнетущую,
Что словно туча черная
По Руси всей гуляет все,
Та дума многосложная –
Про многое твердит она:
То голодно, то холодно,
То села все огнем горят,
То смерть ходит как властная
Кругом разит без устали
Крестьянский люд, замученный...⁵

Можно выявить здесь яркую переключку с перечнем крестьянских бед, отраженных Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо». В «Прологе» поэмы автор перечисляет деревни, откуда прибыли его мужички: «Заплатова, Дырявина, Разутова, Знобишина Горелова, Неелова, Неурожайка тож» [Некрасов 5: 5]. Названия эти отражают насущные проблемы и беды их жителей. Е.В. Саженина анализирует разные звуковые комплексы в поэме Некрасова, в том числе отмечает, что ассонансная система сочетаний образует особый ритмический рисунок «с эффектом “кружения” на месте» [Саженина: 44]. Заметим, что такой же звукописный прием использует Эртель в приведенном выше фрагменте.

Специфическим приемом, свойственным поэтическим текстам народного фольклора, является использование сверхсхемных ударений, что позволяет создать особую ритмику: «Эх! Эх! Придет ли времячко, / Когда (приди желанное!...)» [Некрасов 5: 35]. «Эх! Эх!» – восклицание, которое передается через спондей, состоящий из двух долгих слогов. Спондей трактуется как ямбическая стопа со сверхсхемным ударением; в такой стопе возникают два силовых ударения подряд. Этот же прием наблюдаем в поэме Эртеля: «Эх-ма долги, / Несчетные несчетные / Долги ...»⁶. В «Эх-ма» автор смещает ударение

на первые два слога, чтобы усилить эмоцию горечи и отчаяния, которая возникает при многократном повторении лексемы «долги».

Вслед за Некрасовым Эртель активно обращается к лексическим повторам. К примеру: «Кого вы не...», «кого вы перегоните» – у Некрасова, «ту думу думают», «та дума многосложная» – у Эртеля. Такие повторы способствуют как раз созданию «эффекта кружения», что «по форме напоминает заговор/заклинание», как отмечает Е.В. Саженина [Саженина: 44].

В фольклорной традиции представлено у Эртеля также изображение пейзажа, на фоне которого развивается действие поэмы:

Вдали стоят три сторожа
Кургана три высокие
За теми за курганами,
Струя свежая колыхается
Как зеркало – по месяцу
Как дым густой – по солнышку...
То Волга развивается...

(Битюг то – пометка на полях Эртеля. – И. С.)⁷

Примечательны и узнаваемы образы и курганов, и высокого берега Волги, которые часто становились фоном для развития сюжетов и у Некрасова. Образ повествователя в поэме Эртеля и произведениях Некрасова также схож. Он неперсонифицирован, т. е. «повествователь есть фигура максимально условная, он представляет собой субъект повествования и внеположен изображенному в произведении миру» [Есин: 81]. Рассказчик не вполне олицетворяет образ автора, но при этом и самостоятельным героем не является.

Поэма Эртеля небольшая, она стала одним из его первых литературных опытов, она не имеет выверенного слога и четкости некрасовской рифмы. Не раскрытыми в ней остаются образы героев, автор еще не сумел наделить их индивидуальностью, но вслед за Некрасовым показал органичную связь крестьян и природы, продемонстрировал прекрасное владение фольклорным материалом. Заявленная в письме к жене идея написать ««Хуториаду» в миллион строк»⁸ не найдет воплощения в поэзии Эртеля. Однако глубоко примечателен этот обозначенный, но не реализованный замысел. Ю.В. Лебедев справедливо отметил, что Некрасов стоял у истоков «эпических устремлений русской поэзии 60-х гг., в той же мере, в которой “Записки охотника” Тургенева – у истоков русской прозы того времени» [Лебедев 1988: 209]. Планируемая «Хуториада» показывала, что Эртель понимал силу эпических поэм Некрасова и ориентировался на них, однако, как мы видим, влияние Тургенева и его «Записок охотника» на Эртеля окажется более сильным [Андреева; Смирнова]. Да и эпоха последней четверти XIX в. способствовала развитию именно прозаических жанров.

Впрочем, идейная сторона влияния Некрасова на Эртеля была настолько значима, что в полной мере отразилась и в «Записках Степняка». Имя Некрасова появится впервые на страницах очерка Эртеля «Серафим Ежигов». Образ сельского учителя стал одним из самых ярких в сборнике. В нем нашли отражение черты народнического движения 1870-х гг. В желании Ежигова посвятить свою жизнь служению на благо просвещения мужиков и крестьянских детишек отражается опыт «хождения в народ», который активно практиковали студенты и революционеры-народники.

Герой Эртеля моральную поддержку своим намерениям черпал в произведениях писателей и поэтов-народников. Давая характеристику Серафиму Ежигову, Эртель отмечает: «Любимейшими его поэтами были Кольцов и Некрасов (впрочем, он не называл их “лучшими” поэтами, а величал “симпатичнейшими”)» [Эртель 1958: 240]. При этом сам автор ставит творчество демократических писателей выше деятельности представителей «чистого искусства». С большой иронией повествователь отметит, что «даже Фету уделял <Ежигов> почетное место» [Эртель 1958: 242] и насмешливо добавит: «а это ли не ересь» [Эртель 1958: 242]. Столь резкие и односторонние оценки, которые дает поэзии А.А. Фета повествователь Эртеля, не были свойственны самому писателю. Позиция Эртеля была намного более сложной, он принадлежал уже к следующему поколению писателей, видевшему ценность высокой поэзии и изящной литературы, но признававшего при этом ее абсолютную удаленность от реальной жизни большинства русских людей. В очерке «Серафим Ежигов» Эртель не цитирует фрагменты стихотворений Некрасова, но акцентирует внимание читателя на значимости творчества поэта в формировании нравственных ориентиров борцов за права народа.

Точка зрения Эртеля на проблему разности мировоззрений классов и невозможность быстрого устранения огромного разрыва между интеллигенцией и народом прекрасно отражена в его повести «Волхонская барышня», где есть несколько близких к описанным Некрасовым картин жизни народа. Варя Волхонская и Тутолмин, который занят сбором народного фольклора, отправляются из усадьбы в деревню. Привычная для барышни картина благоустроенного жилья, приведенного в порядок сада сменяется на изображение нищеты и разрухи. Варя жаждал видеть народ, однако «народ» не сидит в красивых одеждах в убранных избах, Тутолмин и его спутница сталкиваются с отсутствием людей, которые разбрелись на разные виды работ, они видят нищету, упадок, болезни, голод:

«На порядке было пусто. Только среди улицы тоскиво бродили куры да в тени пыльных раки отча-

янно зевала какая-то Жучка, истомившаяся в непреходимой скуке.

— Где же народ? — спросила Варя, удивленная этой пустынностью села.

— Пар мечут; проса полят, у иных покос еще не отошел. А может, и болеют многие, — ответил Тутолмин, которого при входе в деревню охватило строгое и унылое настроение» [Эртель 1984: 99].

Как и у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо», у Эртеля реалистичный рассказ о существовании народа перемежается народным творчеством — песнями. И у Некрасова, и у Эртеля это поэтическое начало, с одной стороны, показывает лучшую сторону крестьян, с другой стороны, демонстрирует глубинный разрыв между идеалами и действительностью. И в прозе Эртеля это еще более ощутимо.

С записи фольклора начинается первая глава повести. За четвертак ямщик Мокей пытается вспомнить для Тутолмина хорошие народные песни. Ямщик путается, поясняет многое Тутолмину, но неизменны мотивы тоски и горя в его песнях:

Повиликой у коня ноги спутанные,
Студеной росой возмоченные...
Возмочили горячи слезы,
Обуяла, что печаль-тоска,
Со всего ли света вольного...

[Эртель 1984: 37].

Уместно в данном случае вспомнить главу «Крестьянка» из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», повествующую о судьбах русской женщины из народа. О.В. Богданова показала, что Некрасов в главе «Крестьянка» глубоко использует фольклорные основы, черты плачей, а при этом достоверно рисует картину быта и тяжелого существования народа [Богданова: 17–19]. Эртель во многом следует за Некрасовым, особенно в раннем творчестве, у писателя нет такого пафоса в иллюстрации народных основ и идеалов, однако именно на контрасте человеческого отношения и нечеловеческих страданий строятся картины, изображающие народ.

Герой Эртеля останется недоволен собранным фольклорным материалом, с одной стороны, не доверяя точности передачи текста ямщиком, с другой, понимая, что старинные народные песни претерпевают в настоящее время обширную переделку самими же крестьянами. Этот упадок самобытной народной культуры очень волновал Эртеля. Автор увлекался сбором фольклора, записывая за крестьянами песни, сказки и былины, которые еще сохранило народное сознание. В очерке «Самарская деревня», изданном после смерти писателя в 1911 г., Эртель отмечает: «В пользу того мнения, что идея поэтической красоты в народе начинает извращаться, может служить то обстоятельство, что хранителями старых песен и сказок в деревне являются по преимуществу старые люди.

Молодежь, если и поет эти песни, то в силу обычная, как например, свадебные, и вообще обрядовые, или — как это ни странно — ради потехи» [Эртель 1911: 24].

Отдельного внимания заслуживает рассказ «Полоумный», который был написан 19 апреля 1878 г., но не вошел в цикл «Записки Степняка». В комментариях к сборнику очерков 1958 г. Г.В. Ермакова-Битнер отмечает, что сохранилось два автографа рассказа «Полоумный». Первый имел посвящение «памяти Н.А. Некрасова», а второй назывался «Нехитрая любовь» (зачеркнутое автором), посвящения уже не имел, но зато был надлен эпитафией:

... Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?..

Некрасов [Ермакова-Битнер: 588].

Объяснить наличие данного посвящения и эпитафии можно особенным вниманием русской словесности к Некрасову, безвременную утрату которого остро почувствовали русские образованные люди (27 декабря 1877 г. Некрасов скончался после продолжительной болезни, которая на два года приковала писателя к постели). Эртель также разделял ту горечь, которую ощутил на себе русское общество с уходом из жизни знаменитого поэта. Рассказ «Полоумный» был написан спустя четыре месяца после смерти Некрасова и, как свидетельствуют сохранившиеся автографы, Эртель желал выразить глубокое уважение и признательность поэту, посвящая ему свое произведение.

Строки, использованные Эртелем для эпитафии, взяты из поэмы Некрасова «На Волге» (детство Валужникова). Образ лирического героя и поэта в произведении неразрывно связаны: «... дистанцируя и отчуждая строй и поэтику романтической поэмы, поэт остается верен сущности романтической субъективной перспективы: когда весь вводимый материал дается через призму восприятия лирического субъекта, близкого самому автору» [Джун: 82]. Некрасов переносит своего героя на милый его сердцу берег Волги, где прошли его детские годы, где душа дышит легкостью, чистотой и абсолютным доверием к миру:

Я страха смолodu не знал,
Считал я братьями людей
И даже скоро перестал
Бояться леших и чертей

[Некрасов 2: 87].

С любовью рисует Некрасов пейзаж верхневолжских берегов. Но на фоне безмятежных широт родного края с его красотами и простором яркой антитезой предстает образ бурлаков, в изнеможении тянущих лямку. Герой, не боявшийся ранее «леших и чертей», впервые испытывает страх, вызванный видом человеческого страдания:

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял

На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

[Некрасов 2: 91].

Четвертая часть поэмы представляет философское размышление автора о судьбе обездоленного крестьянства. Некрасов, нарушая поэтическую традицию романтизма, обращается в своем монологе непосредственно к мужику: «Унылый, сумрачный бурлак!», что подчеркивает демократическую направленность поэмы. Автор побуждает народ задуматься о суровой доле и той безоговорочной покорности, с которой люди принимают свою судьбу:

Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!

[Некрасов 2: 92]

В финале поэмы Некрасов задает народу риторический вопрос: «Чем хуже был бы твой удел, Когда б ты менее терпел?» [Некрасов 2: 92]. Поэт призывает к изменениям в той «порочной среде», где одни люди имеют неограниченную власть над другими. Именно эти строки поэмы привлекли внимание Эртеля, их писатель намеревался сделать эпиграфом к своему рассказу. Действительно, сюжет «Полоумного» заставляет читателя сделать вывод, что терпение мужиков доведено до предела. В рассказе Эртеля предстает образ крестьянина Егора, которого прозвали в деревне Полоумным за то, что «он в одну девку врезался... а она возьми да загуляй с купцом; он с тех пор и ополоумел...» [Этель 1958: 551]. За этой, казалось бы, простой житейской историей скрывается большая душевная драма. Отношения Егора и Гашки Этель изображает чистыми и даже романтическими. Знакомые с самого детства, герои стали не просто поддержкой и опорой друг для друга, а обрели духовное единство: «Чего бывало, не делали! Венки вьем, сказки друг дружке сказываем, песни играем... <...> ...А мы на бугор и сидим там словно птицы вольные... Либо вокруг глядим... а вокруг все поля идут – глазом не обоймешь... <...> А то ляжем навзничь да на небышко смотрим... эх, весело, бывало!» [Этель 1958: 555]. Возвышенное восприятие мира и чистота чувств кажутся читателю противоестественными для крестьян, однако задача Эртеля заключалась в иллюстрации недооцененного внутреннего мира народа. Во многом именно вслед за Некрасовым Этель продолжает эту линию наличия в русском человеке внутренней красоты и силы, отсутствия в простом работнике устремленности к наживе, предпочтения истинных ценностей – преходящим.

Последователь одновременно Тургенева и Некрасова, в рассказе «Полоумный» Этель осваивает наследие обоих писателей. Вспоминается рассказ «Сви-

дание» из «Записок охотника» Тургенева, в котором поэтическая и тонко чувствующая девушка из народа, влюбленная и самоотверженная, используется камердинером Виктором Александровичем, не понимающим ее глубокого чувства. Акулина у Тургенева, разумеется, не может быть деятельным характером. И вот в рассказе «Полоумный» Этель «переворачивает» ситуацию, ставя в центр вновь любовный конфликт, но представляя героя-борца, одного из первых возмутителей выдуманных условностей. Егора из рассказа Эртеля можно сопоставить с героем стихотворения «Огородник» (1846), написанным на основе народных песен и фольклорных мотивов. Рассказ Эртеля создавался спустя 30 лет после «Огородника», любовная история в нем – только основа бунта Егора против несправедливости, который был отражен во многих стихотворениях и поэмах Некрасова.

Идиллия Егора и Агафьи заканчивается, когда купеческий сын Мишка, закабаливший всю деревню, решает сделать красивую девку своей собственностью. Потеряв возлюбленную, а вместе с ней и смысл жизни, Егор понимает, что терпеть барский произвол нет больше сил. Он решается на бунт, поджигая купеческие амбары. Финал рассказа печален: герой после острога отправляется на поселение. Однако по черновым материалам рассказа можно видеть, что писатель изначально намеревался развернуть сюжет так, чтобы Егор вышел победителем в сражении за счастье. Во втором черновом варианте рассказа Полоумный сбегает с поселения, где отбывал наказание за поджог, удается уйти от Мишки и Агафье, после чего происходило воссоединение влюбленных, герои обретали абсолютное счастье на зависть злословившим деревенским. В.Г. Ермакова-Битнер отмечает, что «Этель снял эпилог не только из цензурных соображений. Трагический финал рассказа “Полоумный” в его журнальной редакции наводил читателей на серьезные и печальные размышления, и по своему художественному звучанию он эмоциональнее, действеннее эпилога рукописного варианта» [Ермакова-Битнер: 589].

Особого внимания заслуживает образ русской женщины, запечатленный в произведениях Некрасова и Эртеля. П.М. Коловангин пытается найти «безупречный аллегорический образ», который увековечил поэта как «певца народного горя» и осознает его как образ русской женщины: «У России женское лицо, судьба женщины – это и есть судьба России!» [Коловангин: 200]. Исследователь выделяет образы Катериночки (поэма «Коробейники», 1861 г.), красавицы Дарьи (поэма «Мороз Красный нос», 1863 г.), Матрены Тимофеевны (поэма «Кому на Руси жить хорошо», часть «Крестьянка», 1873 г.) как наиболее яркие в творчестве Некрасова. Ю.В. Лебедев отметил особую значимость образа Катериночки в поэме «Ко-

робейники» как воплощение христианского идеала нравственности, чести и трудолюбия [Лебедев 2015: 2]. Особое внимание исследователи и критики уделяли образу Дарьи из поэмы «Мороз Красный нос». М.П. Коловангин отметил, что «поэт тонко вырисовывает портрет крестьянки Дарьи, «величавой славянки», трудолюбивой, духовно и внешне красивой русской женщины» [Коловангин: 200]. В поэме женщина-крестьянка является воплощением идеала, Музой для автора:

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц

[Некрасов 4: 80].

Некрасов использует смелое сравнение, превознося русскую селянку до уровня царицы; по меркам цензуры пореформенной России, это было дерзко даже для поэтов революционно-демократического направления. Автор гиперболизирует образы своих героинь. Забитые нуждой, бедностью, унижениями и болезнями, могли ли крестьянки сохранить чувство собственного достоинства? Откуда же взяться «взгляду царицы», если жизнь с детских лет ставит перед женщиной непреодолимые преграды на пути к счастью. Не случайно в поэме «Кому на Руси жить хорошо» Матрена Тимофеевна резюмирует:

Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У бога самого!

[Некрасов 5: 186]

Ставшая «женой раба», изведенная свекровью и золовками, трагически потерявшая горячо любимого первенца Демущку, обреченная на бесконечную работу в поле и на хозяйстве, могла ли Матрена Тимофеевна обладать «взором царицы»? Маловероятно. Судьбы героинь реалистичны и поэтому трогают читателя, но возвышенная характеристика крестьянок, данная автором, формирует у читателя ложное представление о личностных качествах некрасовских Муз. Эту противоречивую особенность творчества Некрасова передаст Эртель на страницах своей повести «Две пары». Главная героиня – дворянка Мария Павловна – задумывает совершить попытку сближения с народом. Восхищаясь красотой и особой прелестью простоты девки Лизутки, Мария Павловна решает стать подружкой для крестьянок и даже приглашает их в гости в барский дом. На предостережение супруга, указывающего на «обычные качества деревенской девки: невероятная жеманность и невероятная дикость» Мария Павловна отвечает: «Но как ты можешь так говорить о крестьянке? Значит, по-твоему, Некрасов сочинил свою Дарью или Катерину в *Кобейниках* или Матрену Тимофеевну в *Кому на Руси*

жить хорошо?» [Эртель 1984: 271]. Однако героине предстоит глубоко разочароваться: для деревенских девок она так и останется барыней, доброй и «лебезящей», а сама Мария Павловна ощутит чувство неловкости и стыда за Дарью и Лизутку, глупо хихикавших в ее компании, не забывающих при этом набивать рот печеньем и леденцами. Вырванные из привычной крестьянской среды, девки сразу теряют свою органичность, а вместе с тем и очарование, которое так поразило Марию Павловну в поле и в деревне. Таким образом, реальные люди оказались гораздо приземленнее книжных образов, тщательно продуманных и художественно обработанных поэтом.

Поэзия Некрасова, полная пафоса борьбы и страдания, выдвигала на первый план героинь выдающихся, не рядовых. У Эртеля образы крестьянок более реальные. По долгу службы Эртелю почти каждый день приходилось контактировать с мужиками и бабами, контролируя порученную работу, проверяя хозяйственный порядок, принимая жалобы и прошения. Отсюда в повестях и романах писателя появляются столь реалистичные типажи, почти не преданные литературной огранке, а сохранившие свою органичность и оригинальность. Несмотря на глубокое уважение к Некрасову-поэту, Эртель не мог не заменить некоторые противоречия натуры писателя. В письме к П.А. Бакунину от 30 апреля 1891 г. писатель отмечал: «Некрасов, кладя в карман левой рукою отличнейший дивиденд, правой бряцал на лире о голодных и холодных» [Эртель 1909: 266]. В этих строках звучит явное неодобрение образа жизни Некрасова. Противоречие между статусом «поэта народного горя» и барским образом жизни писателя смущало многих современников Некрасова. «Личность Некрасова, – писал А.М. Скабичевский, – является... камнем преткновения для всех, имеющих обыкновение судить шаблонными представлениями» [Скабичевский 1928: 213]. Эртель был человеком, свободным от стереотипного мышления, а потому, несмотря на парадоксы личности Некрасова, испытывал должное уважение к его творчеству.

Примечательно, что именно со знакомства с творчеством Некрасова начинается основной рост самосознания в Николае Рахманном, главном герое романа Эртеля «Гарденины...». Косьма Васильич Рукодеев очень удивляется, что Рахманный при всем стремлении к познанию и пониманию им участи народа не читал Некрасова: «Молодой человек, не читали Некрасова?.. Ничего не читали!.. Грустно, молодой человек, грустно. Гражданский поэт. Пришлю вам» [Эртель 1985: 128]. Первое и самое важное, на чем делает акцент Эртель и его герой, рассуждающие о творчестве народного поэта, это изображение родной земли. И этот факт глубоко не случаен, поскольку земля для народа была кормилицей,

источником дохода, высшей святостью. Земля формировала во многом народное понимание богатства и была связана с увековечиванием идеи труда [Феномен: 23–56]. Далее Рукодеев читает строки Некрасова с дрожанием в голосе. Причем читатель понимает, что состояние опьянения, в котором находится герой, не затемняет его сознание, а делает его разговорчивым и способным высказать то, что в трезвом состоянии Рукодеев бы не произнес так пафосно и открыто. Герой свободно соединяет строки из разных произведений Некрасова, которые становятся лучшей иллюстрацией понимания народной жизни, ее бед, унижения простого человека:

«Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал!

Стонет он... как бишь? – стонет он по полям,
по дорогам... стонет он по тюрьмам, по острогам,
в рудниках на железной цепи... – Рукодеев круто остановился, сел и снова выпил. – Да-с, молодой человек, и пошли они, солнцем палимы, повторяя: суди его бог! разводя безнадежно руками... (он трагически высыл голос), и покуда я видеть их мог, с непокрытыми шли головами...» [Эртель 1985: 129].

Некрасов становится для Николая Рахманного одним из первых учителей, приближающих его к размышлению о народе и стране. Эртель показывает, что мужицкие песни, стихи Кольцова и произведения Некрасова оказываются для Рахманного в одном ряду, содействующем его постижению себя как части русского мира. Отличное от простого народа положение Николая Рахманного (он был сыном управляющего) не всегда позволяло ему трезво и целостно оценить степень нищеты и бедствия народного, именно благодаря Некрасову и его стихотворениям в Рахманном начинают происходить изменения: он сознательно оценивает тяжбы, с прискорбием относится к нищете. Между тем Рахманный намного более трезво и рационально видит народную среду, слабые стороны мужиков, он оценивает и те преувеличения, без которых не могла обойтись поэзия Некрасова: «...он насильственно втеснял в свои рифмы то, что вынес из всех этих влиятельных внушений. Но все-таки ему казалось явным несообразие с прискорбием описывать гарденинских, боровских, тягулинских мужиков, то есть тех, которых он знал и в жизни которых, казалось ему, не было никаких причин припевать, как в “Коробейниках”: “Холодно, странничек, холодно, голодно, родименький, голодно”... И вот, отвлекаясь мыслью от тех мужиков, которых он знал, он описывал воображаемых мужиков, и не здесь, а где-нибудь в неопределенном месте, в таком, которое лучше подходило бы к рифме, – на Каме, на Волге, на Оке, – и описывал уже, не жалея мрачных кра-

сок, не жалея негодующих слов, рыданий и даже крови. И, случалось, плакивал над своим воображаемым мужичком и над его воображаемыми страданиями...» [Эртель 1985: 211].

В последнем романе Эртеля «Смена» также показательно упоминание Некрасова. Главный герой поэмы, дворянин Андрей Петрович Мансуров, не может найти себя ни в городе, ни в деревне: он грезит возвращением прошлого, не находит себе места в настоящем, повсюду он оказывается лишним человеком. Когда Мансуров находится в светском обществе, он думает об успокоении на лоне природы и о том, что ему будет хорошо в потомственном имении, в котором живет его родная сестра, уже смирившаяся с жизнью Лиза. Между тем воспоминания об усадьбе «Княжие Липы» для Мансурова связываются с поэзией Некрасова. Эртель подчеркивает, что мечты Мансурова похожи на воздушные замки, что его богатая фантазия далека от жизни, что литература, даже реалистическая, становится для него очередным поводом обмануться, поскольку героя кидает из стороны в сторону: «И так же, как воображал аравийский оазис по стихам Гейне, он вспомнил Некрасова и живо представил себе просторный и печальный пейзаж, “вековую тишину” полей, степь, курганы, деревушки и, с внезапными слезами на глазах, повторил про себя: “Да, да... именно там, в Княжих Липах, лишь ветер не дает покою вершинам придорожных ив и выгибаются дугою, целуясь с матерью землею, колосья бесконечных нив...” О, поскорее бы от этих гремящих витий, от этих ломак, лгунов и лицемеров!» [Эртель 1959: 165].

Андрей Петрович, имеющий очень чувствительную натуру, даже прослезился, прочитав строки из стихотворения Некрасова «В столицах шум, гремят витии...», в котором противопоставляются столица и уездная жизнь. Однако для Мансурова стихи Некрасова – формальность. Герой прекрасно понимает их содержание, представляет себя в роли отлученного от родового имения, однако это лишь элемент игры, приносящий Мансурову удовольствие. Рядом со слезами от стихотворения Некрасова герой лелеет другую мысль – о возможном внимании нравящейся ему женщины, Людмилы Михайловны. Эртель не случайно заставляет своего образованного героя-аристократа вспомнить в данном случае Некрасова, чтобы показать, что не близки Мансурову ни вековая тишина полей, ни родные Княжие Липы. Все устремления Андрея Петровича связаны с доставлением себе самому наиболее приятных моментов. Не могущий получить в жизни ярких впечатлений, не принимающий русскую действительность, Мансуров берется переводить с английского поэму Эдвина Арнольда «Свет Азии» (“The Light of Asia”): «От искусной подделки Арнольда, от этих звучных и цве-

тистых оборотов речи на Андрея Петровича веяло чем-то пряным и таинственным, – своеобразною красотой Востока с его сказочной природой и преувеличенно-странными легендами. Кроме того, печальная философия буддизма очень совпадала с настроением Мансурова» [Эртель 1959: 243–244]. Исследователи справедливо отмечают, как «Эртель с иронией говорит, что перевод поэмы для его героя – и не путь к духовной работе, и не собственно работа, а своего рода средство эскапистского самолюбования и прокрастинации, способ занять ленивый мозг» [Жаткин, Сердечная: 255]. Эртель, как можно судить по истории героя в романе, не верит в силы Мансурова как типа, показывает его пренебрежение ко всему русскому, поскольку герой потерял свое место, а приспособиться к новому времени не смог. В лирике Некрасова, его гражданской поэзии одной из необходимых основ была жертва героя-интеллигента, его способность отречься от своих интересов во благо русского народа. Д. Флаэрти отметил, что в лирике Некрасова «артикулируется двойственное самосознание интеллигента, претендующего на руководство *народом*, к которому он не принадлежит», а узловой темой стихотворений в сборнике 1856 г. было «самопожертвование, гражданское деяние *par excellence*, и его поэтическое изводы» [Флаэрти: 54].

Некрасов, его лирический герой, как справедливо пишет Д. Флаэрти, часто прямо не может помочь народу, но он проявляет максимальное участие, озвучивает беды, призывает к деятельной общественной помощи. Как мы уже отметили выше, пока у Эртеля была возможность деятельной помощи народу, он реализовывал ее, писатель помогал крестьянам даже тогда, когда у него самого уже не оставалось времени и сил на борьбу с недугами. Поэтому с уверенностью можно сказать, что Эртель стал одним из последователей Некрасова, в новую эпоху он заботился о народе, вернулся в родные края именно для того, чтобы изменить русскую жизнь. Переменить ее усилиями одного поэта, пусть и гениального, было невозможно: потребовались еще многочисленные и однонаправленные силы многих писателей и реальных деятелей, чтобы образовать и поднять с колен русский народ.

Примечания

¹ «Ночь на покосе, на Волжском берегу». ОР РГБ. Ф. № 349 (Эртель А.И.). К № 3. Ед. хр. 7 (6 листов).

² Там же. Л. 5 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 1–1 об.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 2 об.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 6.

Список литературы

Источники

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Ленинград: Наука, 1981–2000.

Скабичевский А.В. Литературные воспоминания / ред., вступ. статья и примеч. Б. Козьмина. Москва; Ленинград: Земля и фабрика, 1928. 355 с.

Эртель А.И. Записки Степняка. Москва: Худож. лит., 1958. 612 с.

Эртель А.И. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги: роман. Москва: Сов. Россия, 1985. 560 с.

Эртель А.И. Волхонская барышня. Смена. Карьера Струкова. Москва: Гос. изд-во худож. лит., 1959. 824 с.

Эртель А.И. Волхонская барышня: повести / сост., автор вступ. ст. и прим. К.Н. Ломунов. Москва: Современник, 1984. 495 с.

Эртель А.И. Самарская деревня. Москва: Унив. тип., 1911. 37 с.

Эртель А.И. Собр. соч. А.И. Эртеля: в 7 т., с портр. и факс. авт. и критико-биограф. ст. Ф.Д. Батюшкова. Т. 2: Записки степняка. Ч. 2. Москва: Московское книгоиздательство, 1909. 299 с.

Исследования

Андреева В.Г. Художественный мир книги очерков А.И. Эртеля «Записки Степняка» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 1. С. 93–97.

Богданова О.В. Жанровые черты плача в главе «Крестьянка» поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // ACTA ERUDITORUM. 2022. № 39. С. 15–26.

Ермакова-Битнер Г.В. Комментарии // Эртель А.И. Записки Степняка. Москва: Худож. лит., 1958. С. 571–590.

Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. Москва: Флинта: Наука, 2000. 248 с.

Жаткин Д.Н., Сердечная В.В. Рецепция поэмы Эдвина Арнольда «Свет Азии» и идеи буддизма в творчестве Льва Толстого и «толстовского круга» // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 1. С. 240–263. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-240-263>

Джун Ф., Калинина Т.Ж. Региональные аспекты поэзии Н.А. Некрасова на примере поэмы «На Волге (Детство Валежникова)»: трансформация романтической лиро-эпической формы // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 2 (2). С. 78–83. <https://doi.org/10.24411/2658-7866-2019-10011>

Коловангин П.М. О противоречиях хозяйственно-го строя России XIX века и их отражении в творчестве Н.А. Некрасова // Карабиха: ист.-лит. сб. Ярославль: ООО «Академия 76», 2013. Вып. 8. С. 199–219.

Лебедев Ю.В. О полемическом подтексте поэмы Н.А. Некрасова «Крестьянские дети» // Лебедев Ю.В.

В середине века: ист.-лит. очерки. Москва: Современник, 1988. С. 209–216.

Лебедев Ю.В. Русская классическая литература о духовных основах труда, собственности и национальной школы // Литература в школе. 2015. № 4. С. 2–7.

Пропп В. Народные лирические песни. Ленинград: Сов. писатель, 1964. 614 с.

Саженина Е.В. Лирическая событийность в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 385. С. 42–49.

Смирнова И.Ю. «Просвещение» или «обогащение»: о ценностях и состоянии русского пореформенного общества в цикле А.И. Эртеля «Записки Степняка» // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 3. С. 124–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147>

Тихомиров В.В. Творчество Н.А. Некрасова в оценке В.А. Зайцева // Н.А. Некрасов и русская литература второй половины XIX – начала XX в. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1982. С. 85–94.

Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский / В.Г. Андреева, А.В. Гулин, Н.Л. Ермолаева и др. Кострома: Костромской государственный университет, 2022. 512 с. <https://doi.org/10.34216/russian-epic-novel-2022>

Флаэрти Д. Новый человек и народ: лирический голос и поэтическое народовластие у Н.А. Некрасова // Русская литература. 2021. № 4. С. 52–64. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2021-4-52-64>

References

Andreeva V.G. *Khudozhestvennyi mir knigi ocherkov A.I. Ertelia "Zapiski Stepniaka"* [Artistic world of the book of essays by A.I. Ertel "Notes of a Steppe Dweller"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2013, vol. 19, no. 1, pp. 93–97 (In Russ.)

Bogdanova O.V. *Zhanrovyie cherty placha v glave "Krest'ianka" poemy N.A. Nekrasova "Komu na Rusi zhit' khorosho"* [Genre features of lamentation in the chapter "The Peasant Woman" of N.A. Nekrasov's poem "Who Lives Well in Rus"]. *Acta eruditorum*, 2022, no. 39, pp. 15–26. (In Russ.)

Ermakova-Bitner G.V. *Kommentarii* [Comments]. Ertel' A.I. *Zapiski Stepniaka* [Notes of a Steppe Dweller]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1958, pp. 571–590. (In Russ.)

Esin A.B. *Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniia* [Principles and techniques of literary work analysis]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2000, 248 p. (In Russ.)

Fenomen epicheskogo romana v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka: I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, L.N. Tolstoi, F.M. Dostoevskii [The Phenomenon

of the Epic Novel in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century: I.A. Goncharov, I.S. Turgenev, L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky], V.G. Andreeva, A.V. Gul'in, N.L. Ermolaeva et al. *Kostroma, Kostromskoi gosudarstvennyi universitet Publ.*, 2022, 512 p. <https://doi.org/10.34216/russian-epic-novel-2022> (In Russ.)

Flaerti D. *Novyi chelovek i narod: liricheskii golos i poeticheskoe narodovlastie u N.A. Nekrasova* [The New Man and the People: Lyrical Voice and Poetic Democracy in N.A. Nekrasov]. *Russkaia literatura* [Russian Literature], 2021, no. 4, pp. 52–64. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2021-4-52-64> (In Russ.)

Dzhun F, Kalinina T.Zh. *Regional'nye aspekty poezii N.A. Nekrasova na primere poemy "Na Volge (Detstvo Valezhnikova)"*: transformatsiia romanticheskoi liro-epicheskoi formy [Regional aspects of the poetry of N.A. Nekrasov on the example of the poem "On the Volga (Valezhnikov's Childhood)": transformation of the romantic lyric-epic form]. *Mir russkogovoriashchikh stran* [The world of Russian-speaking countries], 2019, no. 2 (2), pp. 78–83. <https://doi.org/10.24411/2658-7866-2019-10011> (In Russ.)

Kolovangin P.M. *O protivorechiakh khoziaistvennogo stroia Rossii XIX veka i ikh otrazhenii v tvorchestve N.A. Nekrasova* [On the contradictions of the economic system of Russia in the 19th century and their reflection in the works of N.A. Nekrasov]. *Karabikha: ist.-lit. sb.* [Karabikha: historical and literary collection]. Iaroslavl', Akademiia 76 Publ., 2013, vol. 8, pp. 199–219. (In Russ.)

Lebedev Iu.V. *O polemicheskom podtekste poemy N.A. Nekrasova "Krest'ianskie deti"* [On the polemical subtext of N.A. Nekrasov's poem "Peasant Children"]. *Lebedev Iu.V. V seredine veka: istoriko-literaturnye ocherki* [In the middle of the century: historical and literary essays]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988, pp. 209–216. (In Russ.)

Lebedev, Iu.V. *Russkaia klassicheskaia literatura o dukhovnykh osnovakh truda, sobstvennosti i natsional'noi shkoly* [Russian classical literature on the spiritual foundations of labor, property and national school]. *Literatura v shkole* [Literature at school], 2015, no. 4, pp. 2–7. (In Russ.)

Propp V. *Narodnye liricheskie pesni* [Folk lyrical songs]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1964, 614 p. (In Russ.)

Sazhenina E.V. *Liricheskaiia sobytiinost' v poeme N.A. Nekrasova "Komu na Rusi zhit' khorosho"* [Lyrical eventfulness in N.A. Nekrasov's poem "Who Lives Well in Rus"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Tomsk State University], 2014, no. 385, pp. 42–49. (In Russ.)

Smirnova, I.Iu. *"Prosveshchenie" ili "obogashchenie": o tsennostiakh i sostoianii russkogo poreformennogo obshchestva v tsikle A.I. Ertelia "Zapiski Stepniaka"* ["Enlightenment" or "enrichment": on the values

and state of Russian post-reform society in A.I. Ertel's cycle "Notes of a Steppe Dweller"]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2023, vol. 5, no. 3, pp. 124–147. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-124-147> (In Russ.)

Tikhomirov V.V. *Tvorchestvo N.A. Nekrasova v otsenke V.A. Zaitseva* [The Works of N.A. Nekrasov in the Assessment of V.A. Zaitsev]. *N.A. Nekrasov i russkaia literatura vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov* [N.A. Nekrasov and Russian Literature of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. Iaroslavl', Verkhnevolzhskoe kn. izd-vo Publ., 1982, pp. 85–94. (In Russ.)

Zhatkin D.N., Serdechnaia V.V. *Retsepsiia poemy Edvina Arnol'da "Svet Azii" i idei buddizma v tvorchest-*

ve L'va Tolstogo i "tolstovskogo kruga" [Reception of Edwin Arnold's poem "The Light of Asia" and the ideas of Buddhism in the works of Leo Tolstoy and the "Tolstoy circle"]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2025, vol. 7, no. 1, pp. 240–263. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-240-263> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.07.2025; одобрена после рецензирования 18.07.2025; принята к публикации 03.09.2025.

The article was submitted 15.07.2025; approved after reviewing 18.07.2025; accepted for publication 03.09.2025.